

(п. 9 ч. 2 ст. 41 УПК). В ст. 41 УПК не говорится о том, что подозреваемый обязан доказывать свою невиновность. Участие в доказывании – его право, а не обязанность.

Наконец, в пятых, а как обстоит дело с презумпцией невиновности в других юридических процессах?

В административно-деликтном процессе не используются понятия «подозреваемый» и «обвиняемый». «Лицо, в отношении которого ведется административный процесс, – физическое или юридическое лицо, в отношении которого судом, органом, ведущим административный процесс, устанавливается виновность в совершении административного правонарушения» (ст. 1.4 ПИКоАП). При этом «обязанность доказывать виновность лица, в отношении которого ведется административный процесс, возлагается на должностное лицо органа, ведущего административный процесс, за исключением случая, предусмотренного частью 5 настоящей статьи. Лицо, в отношении которого ведется административный процесс, не обязано доказывать свою невиновность» (ч. 2 ст. 2.7 ПИКоАП).

В соответствии с Инструкцией о порядке организации и проведения служебной проверки в органах внутренних дел, утвержденной приказом МВД Республики Беларусь от 26 января 2017 г. № 23, обязанность доказывания виновности лица, совершившего дисциплинарный проступок, возложена на сотрудника, проводящего служебную проверку (гл. 7 и 8 Инструкции, прил. 4).

Из этого следуют выводы:

1. В ст. 26 Конституции не упоминаются лица, совершившие административные правонарушения и дисциплинарные проступки, однако на них распространяется презумпция невиновности.

2. В отличие от иных правонарушений преступления всегда общественно опасны. При этом (если исходить из того, что презумпция невиновности не распространяет свое действие на подозреваемого) права лица, в отношении которого ведется административный процесс либо проводится служебная проверка, более защищены, нежели подозреваемого в уголовном процессе. Считаем, что подход должен быть противоположным (права физических и юридических лиц должны быть наиболее защищены при производстве по материалам и уголовным делам) либо аналогичным (когда речь о привлечении к ответственности).

В настоящее время ставится вопрос о внесении изменений и дополнений в Конституцию. Полагаем, что требует корректировки и ст. 26 Конституции. И не столько в части упоминания в ней подозреваемого (на практике с этим проблем нет), сколько о ее абсолютистском понимании. Трактую буквально норму Конституции (виновность устанавливается только вступившим в законную силу приговором суда), следует признать незаконность освобождения от уголовной ответственности (прекращение уголовного преследования) по нереабилитирующим обстоятельствам. Возможно, следует заимствовать опыт иных государств, международных организаций. Согласно ч. 2 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком». Для колеблющихся можно добавить и подозреваемого. При этом будет узаконено прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим обстоятельствам. Зачем 100 лет хранить сведения о невиновных?

УДК 343.21

А.В. Ободовский

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРОЦЕДУРЫ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС УКРАИНЫ

Сегодня сообщением о том, что в УК Украины были внесены изменения, никого не удивить: они вносятся часто, поэтому изменения в УК Украины вполне уместно называть очередными. Тем не менее некоторые такие изменения настолько долго «ждут своей очереди», что выделяются среди всех остальных.

Изменения, которые вряд ли можно отнести к очередным, обыкновенным, были внесены в УК Украины законом от 22 ноября 2018 г. (закон вступил в силу 1 июля 2020 г.). Основная идея, реализованная в этом законе, – ввести в УК Украины такой вид уголовно наказуемых деяний, как уголовный проступок. Идея не новая, но, несмотря на это, ее реализация вызывает ряд вопросов и возражений. Вопросы и возражения, о которых идет речь, – самые разные, а их характер такой, что заставляет задуматься над тем, насколько удачно данная идея была воплощена на законодательном уровне.

Вместе с тем наряду с «основной» направленностью закона от 22 ноября 2018 г., есть и другие направления законодательных изменений. Одно из таких направлений – установление (новая ст. 286¹ УК Украины) уголовной ответственности за управление транспортным средством в состоянии разных видов опьянения или под воздействием лекарственных препаратов, снижающих внимание и скорость реакции. Диспозиция новой статьи сформулирована очень широко и предусматривает несколько (даже много) форм, в которых может совершаться соответствующее уголовно наказуемое деяние. Может быть уже одно это должно было бы сделать новую статью УК Украины привлекательной для исследователей? Возможно, небезынтесным было бы и обсуждение вопроса о необходимости противодействовать соответствующим деяниям именно при помощи уголовно-правовых средств (с учетом того, что рассматриваемое деяние – «всего» уголовный проступок и наказывается лишь штрафом)? Может быть верно и первое, и второе, но есть еще один вопрос, актуализируемый в связи с появлением в УК Украины новой ст. 286¹.

На самом деле закон от 22 ноября 2018 г. преследовалось с уголовными проступками связан лишь «текстуально»: именно и лишь в его тексте и говорится об уголовных проступках. В названии закона можно уловить не более чем намек на то, что в УК Украины вводится категория уголовного проступка: «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно упрощения досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений». Безусловно, «упрощение досудебного расследования» – вот какая цель преследовалась внесением изменений в законодательные акты законом от 22 ноября 2018 г. Однако для того чтобы «упростить досудебное расследование» пусть даже не всех, а лишь «отдельных категорий уголовных правонарушений», вовсе необязательно было вводить в УК Украины категорию уголовных

проступков. Так, упрощение досудебного расследования могло коснуться хорошо известных УК Украины преступлений небольшой тяжести или преступлений небольшой тяжести, за которые предусмотрено наказание менее строгое, чем лишение свободы на определенный срок. Поэтому наличие в названии закона от 22 ноября 2018 г. слов «упрощение досудебного расследования» не предполагает введение в УК Украины категории уголовных проступков.

В то же время упоминание в названии закона об «отдельных категориях уголовных правонарушений» позволяет предположить, что изменения, которые этим законом вносятся в некоторые законодательные акты, имеют не только процессуальный характер (направлены не только на «упрощение досудебного расследования»). Действительно, по состоянию на 22 ноября 2018 г. УК Украины не оперировал термином «уголовное правонарушение», а знал только преступления. Если тем не менее в названии нового закона говорится не о преступлениях, а об уголовных правонарушениях, значит, предполагается, что уголовное правонарушение – отличная от преступления категория, которая, следовательно, должна включать кроме преступлений еще какие-то уголовно наказуемые деяния.

Предложенная «расшифровка» названия закона от 22 ноября 2018 г., таким образом, никак не предполагает криминализацию некоторых деяний в новой ст. 286¹ УК Украины. Каждый, кто откроет рассматриваемый закон, невольно задумается: как же это могло так случиться, что изменения, которые вроде бы должны быть направлены на упрощение досудебного расследования отдельных категорий уголовных правонарушений, на самом деле направлены не только на это, но и, в частности, на то, чтобы криминализовать некоторые деяния? Конечно, можно над этим не задумываться, и при квалификации деяний по ст. 286¹ УК Украины просто игнорировать «источник» соответствующих изменений в УК и исходить из того, есть статья в УК Украины или нет, а не из того, законом с каким названием эта статья была введена в УК.

Конечно, очень просто исходить при квалификации деяния только из того, есть ли статья об ответственности за определенные проступки в УК или нет, не обращая при этом внимания на сопутствующие обстоятельства. Однако в настоящее время такой подход, по-видимому, уже не совсем бесспорный. Показательны в связи с этим изменения, внесенные в УК Украины менее года назад законом от 19 мая 2020 г. Название закона говорит само за себя: «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно усовершенствования процедуры внесения изменений». Этим законом ст. 3 УК Украины была дополнена ч. 6. И теперь «изменения в законодательство Украины об уголовной ответственности (читай – в УК Украины) могут вноситься исключительно законами о внесении изменений в этот Кодекс, и (или) в уголовное процессуальное законодательство Украины, и (или) в законодательство Украины об административных правонарушениях».

Цель, для достижения которой был разработан соответствующий проект закона, в объяснительной записке обозначалась как «усовершенствование процедуры внесения изменений» в УК Украины, УПК Украины и в КУоАП, что «даст возможность исключительно Комитету по вопросам правоохранительной деятельности быть главным по подготовке и обработке проектов законов, которые касаются внесения изменений в указанные акты». Необходимость сосредоточить работу над проектами законов о внесении изменений в УК, УПК и в КУоАП в одном Комитете была обусловлена, в частности, следующими соображениями, приведенными в объяснительной записке. «Количество и частота принятия изменений в УК, УПК, КУоАП настолько большие, что не дают как практическим работникам, так и гражданам ориентироваться относительно изменений действующего законодательства. Проблема усиливается и тем, что часто указанные изменения осуществляются путем их включения в нормативные акты, посвященные правовому регулированию других общественных отношений, и „теряются“ в их текстах».

Сложно не согласиться с аргументами, приведшимися в обоснование необходимости принятия проекта, ставшего законом от 19 мая 2020 г. Однако то же самое можно сказать и о проекте закона, в котором собраны самые разные изменения в УК Украины. Если некоторые изменения, предложенные проектом закона, «не вписываются» в общую логику такого проекта закона, то не свидетельствует ли это о том, что таким «точечным» изменениям уделяется очень мало внимания (если уделяется вообще) при работе над проектом закона (ведь понятно же, что все внимание сосредоточено на основных направлениях изменений)? Несомненно, недостаток внимания скажется на качестве.

В объяснительной записке к проекту, ставшему законом от 22 ноября 2018 г., несколько раз упоминались изменения, связанные с дополнением УК Украины ст. 286¹. И все-таки чувствуется некоторая искусственность этих упоминаний. Возможно, инициаторы проекта понимали, что «транспортным» изменениям в нем не место. Проект стал законом, «транспортные» изменения в законе сохранились, но еще 17 июня 2020 г. был принят закон, которым соответствующий подпункт закона от 22 ноября 2018 г. исключался. Не потому ли, что «транспортные» изменения изначально были чужеродными для закона от 22 ноября 2018 г. и требовали отдельной процедуры обсуждения?

УДК 343.97

О.А. Осипенко

КИБЕРВИКТИМИЗАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В процессе эволюции человеческое общество все в большей степени осознавало ценность, значимость и действенность информации не только как инструмента познания окружающего мира и основы для выстраивания коммуникативных связей, но и как мощного орудия консолидации, созидания, а также и как невероятно действенного всеразрушающего оружия, по своей мощности порой превосходящего все известные виды вооружений.

С течением времени информационное противоборство становилось более разнообразным и изощренным, учитывающим особенности объекта воздействия – человеческой психики. Кроме того, менялись и способы информационного воздей-